

ДИДРО и БРАТЯ НАРЫШКИНЫ

Страницы из истории французско-русских культурных связей
Французский ежегодник 1982

М.: Наука. 1984. С.240-251

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме добавлены в конце статьи

Приезд Дидро в Россию в конце 1773 г. был важным событием не только в биографии этого ведущего деятеля французского Просвещения, но и в истории современного ему русского общества. Различные работы Дидро, посвященные России, занимают целый том в его 10-томном Собрании сочинений, вышедшем в Советском Союзе в 1936—1947 гг.¹ Кроме того, сохранилось немало писем Дидро (жене и дочери, мадемуазель Воллан, д-ру Леклерку, И. И. Бецкому, княгине Дашковой и т. д.), в которых приводятся многочисленные факты, относящиеся к его поездке в Россию². Опубликовано несколько писем Дидро Екатерине II, написанных в 1774—1781 гг.³ Известны и письма Екатерины II Вольтеру и другим ее заграничным корреспондентам, в которых она рассказывает о своих встречах с Дидро⁴. Имеются также данные о том, что Дидро вел переписку и с другими русскими деятелями, например с князем И. В. Репниным⁵, но письма эти были утеряны при различных обстоятельствах.

О пребывании Дидро в Петербурге существует много, хотя далеко не всегда достоверных, свидетельств мемуаристов, в том числе Тьебо⁶, Сегюра⁷, С. Н. Глинки⁸ и т. д. Имя Дидро встречается в переписке и донесениях иностранных послов, представлявших в то время в России Англию, Пруссию, Францию и Швецию⁹. Наконец, и в русском обществе долго сохранялись устные предания о поездке одного из создателей «Энциклопедии» в Россию. Такого рода сведения можно, например, найти у Н. М. Карамзина¹⁰ и П. А. Вяземского¹¹.

И все же многие немаловажные подробности этого события и поныне остаются недостаточно выясненными. В русской и советской литературе допускается путаница даже в вопросе о том, у кого жил Дидро во время своего почти пятимесячного пребывания в Петербурге. А ведь вопрос этот далеко не праздный: от правильного ответа на него во многом зависит понимание отношения Дидро к тем или другим проблемам русской жизни.

В известной работе В. Бильбасова «Дидро в Петербурге», вышедшей в конце прошлого века, содержится утверждение, что спутником Дидро в его поездке в Россию и гостеприимным хозяином в Петербурге был «представитель роскошного барства» и «первый щеголь своего времени» Семен Кириллович Нарышкин (1710—1775)¹², который был при Екатерине II обер-егермейстером и генерал-аншефом. Однако версия эта полностью отпадает при изучении тех писем Дидро, которые не были известны Бильбасову. Действительно, уже в первом письме, которое Дидро отправил жене из Петербурга, указывается, что его спутник по путеше-

¹ Дидро Д. Собр. соч.: В 10-ти т. М.; Л., 1936—1947, т. 10, (Rossica).

² Там же, т. 8, с. 482 и далее; т. 9, с. 17—31; Бильбасов В. Дидро в Петербурге. СПб., 1884, Прил. 3, с. 181 и далее.

³ Сборник Русского исторического общества, 1881, т. 33, с. 503 и далее. (Далее: РИО).

⁴ См., например: Там же, 1874, т. 13, с. 377.

⁵ Там же, 1870, т. 5, с. 128.

⁶ Русская старина, 1878, т. 23, с. 575 и далее.

⁷ Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб., 1865, с. 149.

⁸ Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895, с. 158.

⁹ РИО, 1876, т. 19, с. 383; 1878, т. 22, с. 476; Бильбасов В. Указ. соч., с. 88, 318.

¹⁰ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1964, т. 2, с. 172, 183.

¹¹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12-ти т. СПб., 1878—1896, т. 5, с. 90.

¹² Бильбасов В. Указ. соч., с. 77, 305.

ствию, в чьем доме он поселился, «молод, потому что ему не больше тридцати лет»¹³. Это начисто исключает версию Бильбасова, поскольку Семену Кирилловичу Нарышкину было в 1773 г. 63 года.

Ошибка Бильбасова тем не менее оказалась на редкость живучей и была повторена более чем через 60 лет в последнем томе упомянутого 10-томного Собрания сочинений Дидро: во вступительной статье, открывающей этот том, сказано, что Дидро «выехал в Петербург в сопровождении С. К. Нарышкина»¹⁴, хотя в предыдущем, 9-м томе опубликовано цитированное выше письмо Дидро, полностью опровергающее эту версию¹⁵. В том же, десятом томе, в котором Дидро неоднократно упоминает своего «дорожного спутника» Нарышкина, дается примечание, автор которого опять-таки утверждает, что речь идет о С. К. Нарышкине¹⁶. Отметим, что автор вводного очерка к первому тому того же издания И. К. Луппол не допускал подобной ошибки ни в этом очерке, ни в своей известной работе о Дидро, вышедшей в 1924 и 1934 гг. и посмертно — в 1960 г., понимая, видимо, несостоятельность версии Бильбасова, но не располагая в то время достаточными материалами, он предпочел называть спутника Дидро просто Нарышкиным, не уточняя ни его имени, ни положения, которое он занимал в России¹⁷.

Несколько дальше пошли авторы ряда работ о Дидро, появившихся в 50-х годах. Так, В. И. Чучмарев писал в статье «Об изучении Дени Дидро русского языка»¹⁸, о «трех братьях Нарышкиных», в доме которых жил Дидро, но не указывал, как звали этих братьев и кем они были, хотя в 1773—1774 гг. «братьями Нарышкиными» можно было назвать нескольких представителей различных ответвлений этого рода. М. П. Алексеев, опубликовавший статью «Дидро и русские писатели его времени», также писал о связях Дидро не с С. К. Нарышкиным, а с С. В. Нарышкиным или с Нарышкиными¹⁹, не объясняя, однако, кем были эти Нарышкины, как их звали и какое отношение они имели к Дидро.

Несмотря на указанные недомолвки, и В. И. Чучмарев, и М. П. Алексеев весьма близко подошли к правильному ответу на вопрос о том, кем был спутник ехавшего в Россию Дидро и его гостеприимный хозяин в Петербурге. К сожалению, авторы некоторых более поздних советских работ сделали в этом отношении шаг назад, вновь повторив ошибку Бильбасова. Так, в капитальной монографии Н. М. Гершензон-Чегодаевой, посвященной выдающемуся русскому художнику Д. Г. Левицкому, написавшему портрет Дидро во время пребывания последнего в России, говорится, что французский философ жил у «князя С. К. Нарышкина»²⁰; таким образом, к неточности Бильбасова добавляется неточность дочери Дидро г-жи Вандель, которая, как указывал еще Бильбасов, «постоянно называет Нарышкина князем, хотя Дидро в своей переписке никогда не делает такой ошибки»²¹. И наконец, следует упомянуть о биографии

¹³ Дидро Д. Собр. соч., т. 9, с. 17. Это письмо не было известно Бильбасову: оно отсутствует в его книге и впервые было опубликовано во французском журнале: *Revue des Vivants*, 1928, N 5, p. 933.

¹⁴ Дидро Д. Собр. соч., т. 10, с. 13.

¹⁵ Такое расхождение, возможно, объясняется тем, что 9-й том сочинений Дидро вышел в 1940 г., а 10-й том — уже после войны, в 1947 г., и готовили его к печати другие лица.

¹⁶ Дидро Д. Собр. соч., т. 10, с. 518.

¹⁷ Луппол И. К. Дени Дидро. М., 1960, с. 105.

¹⁸ *Вопр. философии*, 1953, № 4, с. 192.

¹⁹ XVIII век. М., 1958, сб. 3, с. 421, 426.

²⁰ Гершензон-Чегодаева Н. М. Д. Г. Левицкий. М., 1964, с. 176. Видимо, для того чтобы близость Дидро к С. К. Нарышкину показалась более правдоподобной, Н. М. Гершензон-Чегодаева приукрасила облик этого вельможи, превратив его из владельца домашнего театра, «который посещали высочайшие особы» (*Русский биографический словарь*. СПб., 1914, т. 11, с. 97), в «автора популярных пьес» (!), хотя о литературных упражнениях С. К. Нарышкина история не сохранила решительно никаких данных.

²¹ Бильбасов В. Указ. соч., с. 306.

Дидро, вышедшей к 250-летию его рождения в известной серии «Жизнь замечательных людей»: автор этого биографического очерка А. Акимов повторяет все ту же ошибку почти столетней давности, утверждая, что Дидро ехал в Петербург в сопровождении «камергера ее императорского величества Семена Нарышкина»²².

Точные указания на то, кем на самом деле был спутник Дидро в его поездке из Гааги в Петербург, можно было до сих пор встретить только в работах некоторых иностранных авторов. Первое из таких указаний содержалось еще в книге Мориса Турне «Дидро и Екатерина II», вышедшей в Париже в 1899 г. и опубликованной в сокращенном виде на русском языке в 1902 г. Автор этой работы с полной определенностью указывал, что спутником Дидро, в доме которого философ затем поселился в Петербурге, был Алексей Васильевич Нарышкин, камергер и сенатор, умерший в 1804 г.²³ То же имя, отчество и фамилия (и те же крайне скупые сведения о спутнике Дидро) приводятся в 16-томном издании корреспонденции Дидро, выпуск которого завершился во Франции в 1970 г.²⁴, а также в статье П. Алатри «Неизвестная работа Дидро», перевод которой с итальянского опубликован во «Французском ежегоднике»²⁵. Автор наиболее полной и документированной биографии Дидро профессор Артур М. Вильсон добавляет к этому, что А. В. Нарышкин «был другом Беккариа»²⁶.

Авторы большинства иностранных работ о Дидро, вышедших за последние годы, ограничиваются еще более отрывочными сведениями о спутнике Дидро. Так, Леон Горни в своей капитальной работе лишь мимолетно упоминает о том, что Дидро жил в Петербурге «во дворце Нарышкина»²⁷. Полностью игнорирует связи Дидро с русским обществом Рене Помо, утверждающий, что Дидро, находясь в Петербурге, «знал страну главным образом по тому, что ему о ней говорила императрица»²⁸. Такой же концепции придерживаются Антони Страгнелл и Кароль Блум, вообще не упоминающие в своих книгах ни Нарышкина, ни других представителей русского общества, с которыми общался в Петербурге Дидро; если судить по их работам, да и по работам многих других иностранных исследователей, то может создаться совершенно превратное впечатление, что Дидро, приехав в Россию, ни с кем там не встречался, кроме русской монархии²⁹.

Хотя ни М. Турне, ни П. Алатри, ни Жорж Рот и Жан Варлоо, подготовившие 16-томное издание корреспонденции Дидро, никак не обосновывают приводимые ими сведения о спутнике Дидро, существует множество доказательств того, что эти исследователи были правы. Большая группа таких доказательств (подтверждаемых и многими другими фактами) содержится в письмах и различных работах самого Дидро. Как уже сказано, Дидро писал в одном из писем, что его спутником, оказавшим затем ему гостеприимство в Петербурге, был молодой человек лет тридцати. И действительно, «Русский биографический словарь» со-

²² Акимов А. Дидро. М., 1963, с. 439—440. С. Кузьмин, которому удалось найти в Центральном государственном историческом архиве в Москве подлинную рукопись памятных записок Дидро Екатерине II, к сожалению, также не избежал ошибки Бильбасова. В его статье «Забытая рукопись Дидро» спутник французского философа именуется С. К. Нарышкиным. См.: Литературное наследство, М., 1952, т. 58, с. 930, 937.

²³ *Tourneux M. Diderot et Catherine II. P., 1899, p. 60; Дидро и Екатерина II / С поясн. очерком и примеч. М. Турне. СПб., 1902, с. 17.*

²⁴ *Diderot D. Correspondance / Publ. par G. Roth, J. Varloot. P., 1965, t. 12, p. 230.*

²⁵ Французский ежегодник, 1965. М., 1966, с. 55.

²⁶ *Wilson A. M. Diderot: Rapello ai posteri. Milano, 1977, p. 278. О знакомстве А. В. Нарышкина с Беккариа см. ниже.*

²⁷ *Gorny L. Diderot: un grand européen. P., 1971, p. 297.*

²⁸ *Pomeau R. Diderot, sa vie, son oeuvre avec un exposé de sa philosophie. P., 1967, p. 40.*

²⁹ *Strugnell A. Diderot's politics. Hague, 1974; Blum C. Diderot: the Virtue of a philosopher. N. Y., 1974.*

общает, что Алексей Васильевич Нарышкин родился в 1742 г.³⁰, следовательно, в 1773 г. ему был 31 год. Из той же биографической справки мы также узнаем, что А. В. Нарышкин являлся депутатом известной екатерининской комиссии для составления проекта нового уложения, а в 1767 г. состоял генеральс-адъютантом при графе Г. Г. Орлове, сопровождал вместе с ним Екатерину II в ее поездке по Волге и принимал участие в предпринятом во время этого путешествия переводе «Велизария» Мармонтеля (Нарышкиным были переведены 7-я и 8-я главы). Позднее он был камергером, псковским губернатором, сенатором и в 1878 г. избран в действительные члены Российской академии, которая тем самым «отдала справедливость его дарованиям, отличному знанию языка отечественного и трудам, употребленным на тот предмет, коим академия наипаче занимается»³¹.

В цитированном уже письме жене Дидро сообщал, что его спутник — «человек, который уже четыре года объезжает весь свет», и что он «успел перебраться через Альпы, а потом через Апеннины»³². Это свидетельство французского философа подтверждается документами из дипломатического архива Екатерины II. 4 мая 1770 г. императрица подписала указ об отправке «двора нашего камерюнкера Алексея Нарышкина» в столицу Сардинского королевства Турин, причем его поездке придавалось особое значение, так как Россия в связи с русско-турецкой войной и пребыванием русской эскадры в Средиземном море было крайне важно укрепить отношения с итальянскими государствами³³. Эта миссия А. В. Нарышкина, судя по всему, имела определенный успех: в августе 1770 г., а затем в мае 1771 г. в дипломатических документах петербургского правительства специально отмечалось стремление туринского двора оказывать всяческое содействие русским кораблям, заходившим в сардинские порты³⁴.

В Италии Алексей Нарышкин познакомился с рядом выдающихся государственных деятелей и литераторов, причем особенно ценил свое знакомство с автором знаменитого трактата «О преступлениях и наказаниях» Чезаре Беккариа. Сохранились два письма, написанных А. В. Нарышкиным Беккариа: в первом из них, отправленном из Флоренции 12 марта 1771 г., Нарышкин просит прославленного писателя прислать ему свой портрет; во втором письме, которое было отправлено 2 мая 1773 г. из Ахена, А. В. Нарышкин, сообщая Беккариа о своем предстоящем возвращении на родину, просит разрешения время от времени обращаться к нему за советами. Напоминая о «бродячей жизни», которую он вел в последние годы, Нарышкин пишет: «Везде, где я был, я видел больше ума и воображения, чем рассудительности и здравого смысла, больше безумцев, чем мудрецов, больше обмана, чем истины. Но зато мне довелось видеть меньше злых, чем добрых, и если я ошибаюсь в этом мнении, то все же верю, что люди могут стать лучше благодаря хорошим законам»³⁵.

За время своей заграничной поездки, длившейся около трех с половиной лет, А. В. Нарышкин, помимо Италии, побывал также во Франции, где и познакомился с Дидро. В письме Дидро скульптору Фальконе³⁶ от 20 мая 1773 г. говорилось: «Помните Вы г-на Нарышкина, камерюнкера ее императорского величества? Так вот, этот славный Нарышкин находится сейчас на водах в Ахене. Он рассчитывает оттуда выехать к концу июня и убедил меня, что ему и мне доставит большое удовольст-

³⁰ Русский биографический словарь, т. 11, с. 83.

³¹ Там же.

³² Дидро Д. Собр. соч., т. 9, с. 17.

³³ РИО, 1896, т. 97, с. 68—72. См. также: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965, кн. 14, т. 27/28, с. 440—441.

³⁴ РИО, 1896, т. 97, с. 124—125, 320.

³⁵ Beccaria C. Dei delitti e delle pene. Con una raccolta di letteri e documenti / A cura di Franco Venturi. Torino, 1973, p. 647—649.

³⁶ Фальконе, которого Дидро рекомендовал Екатерине для выполнения статуи Петра I, находился в Петербурге с конца 1766 г.

вие ехать вместе, беседуя в пути, несколько сот лье в одной карете»³⁷.

В конце мая Дидро выехал из Парижа в Гаагу, где собирался провести некоторое время у русского посланника в Гааге князя Д. А. Голицына, с которым подружился еще во время пребывания последнего на посту русского посланника во Франции. Из Гааги Дидро сообщал 13 августа в Париж Воллан: «Некий г-н Нарышкин³⁸, камергер ее императорского величества, дает мне место у себя в хорошей карете и везет меня в Петербург. Мы поедem втихомолку, удобно, с остановками там, где дам подскажет любопытство или необходимость отдохнуть. Г-н Нарышкин — весьма любезный человек и очень полюбил меня и проникся ко мне большим уважением в Париже»³⁹.

Итак, к моменту отъезда вместе с Дидро из Гааги Алексей Нарышкин был уже не камер-юнкером, а камергером (так его именует Дидро и в дальнейшем). В упомянутом письме Дидро, написанном им жене сразу же после прибытия в Петербург, содержатся и другие сведения о Нарышкине и об обстоятельствах, при которых Дидро поселился у него в доме. Первоначально Дидро намеревался остановиться у своего друга Фалькопе, но, приехав к нему, узнал, что тот не может оказать ему гостеприимство, так как приготовленную для него комнату занял сын Фалькопе, неожиданно прибывший из Лондона. Столкнувшись с этим непредвиденным затруднением, Дидро написал записку Нарышкину, тот прислал за ним карету, и Дидро немедленно был устроен в очень удобном помещении. На следующий день, когда Нарышкин пришел его проведать, Дидро, как он пишет, сказал ему приблизительно следующее: «Сударь, Вы проявили ко мне столько доброты, что было бы очень скверно с моей стороны злоупотреблять ею... Если я Вас ни в малейшей мере не стесняю, если мое пребывание в Вашем доме столь же приятно Вашему брату и Вашей невестке, как Вам, я здесь останусь... Но если это связано хоть с малейшим затруднением, у меня здесь есть друг⁴⁰, с которым я не замедлю повидаться и поговорить о том, как мне устроиться... Тотчас же его брат и невестка пришли заверить меня, что я могу располагать их домом и всем, что в нем находится, пока это будет мне приятно»⁴¹.

Таким образом, мы узнаем, что у спутника Дидро были брат и невестка, вместе с которыми он жил; в этом доме братьев Нарышкиных и находился французский философ почти пять месяцев, проведенных им в Петербурге.

Перед отъездом Дидро из России Екатерина II обещала ему возместить Нарышкиным затраты на содержание французского гостя у них в доме. Деликатный Дидро тем не менее очень беспокоился о том, чтобы обещание это было выполнено. Накануне отъезда из Петербурга он написал Екатерине II письмо, напоминая ей, в частности, о долге, который она «так положительно» обещала выплатить Нарышкиным⁴². Позднее, в письме, написанном Екатерине II из Гааги, он снова напомнил об оставленном им в Петербурге долге⁴³, а в письме, отправленном оттуда же жене, с исключительной теплотой вспоминал о Нарышкиных, которые, как он писал, «проявили ко мне столько доброты, отпосились ко мне, как к брату, приютили и кормили меня, освобождали меня в течение пяти месяцев от каких-либо расходов»⁴⁴.

Как видим, Дидро считал себя обязанным не только Алексею Нарышкину, но и его брату, который жил в том же доме. О нем также

³⁷ Дидро Д. Собр. соч., т. 9, с. 470.

³⁸ Описка Дидро.

³⁹ Дидро Д. Собр. соч., т. 8, с. 480—481.

⁴⁰ Дидро имел в виду Гримма, который незадолго до этого также приехал в Петербург.

⁴¹ Дидро Д. Собр. соч., т. 9, с. 19—21.

⁴² РИО, 1881, т. 33, с. 507.

⁴³ Там же, с. 521.

⁴⁴ Diderot D. Correspondance, 1966, t. 13, p. 230.

сохранились достаточно подробные сведения. Семен Васильевич Нарышкин (1731—1807), как и его младший брат Алексей, был депутатом комиссии для составления проекта нового уложения. Оставив военную службу в чине армейского подполковника, он служил в тайной экспедиции сената, затем в горном ведомстве и в 1776 г. стал вице-президентом берг-коллегии. Женат он был на Марии Ивановне Салтыковой, сестре генерал-аншефа князя Н. И. Салтыкова⁴⁵. Из письма Дидро Гримму, написанного после возвращения философа в Париж, можно также узнать, что у С. В. Нарышкина была дочь. Дидро сообщает в этом письме о подарке, посланном им «мадемуазель Нарышкиной, племяннице моего слутника при поездке из Гааги в Петербург», и просит своего приятеля, снова находившегося в то время в Петербурге, проследить за тем, чтобы подарок этот был вручен адресату⁴⁶.

Оба брата Нарышкины являлись известными в свое время литераторами и фигурируют в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова, вышедшем в 1772 г. Как уже сказано, А. В. Нарышкин принимал участие в переводе «Велизария» Мармонтеля; он участвовал также в переводе из «Энциклопедии» Дидро (им переведены, например, статьи «Нравоучение» и «Посредственность»)⁴⁷ и был связан тесной дружбой со многими современными ему литераторами, особенно с А. А. Ржевским, плодовитым поэтом и одним из образованнейших людей своего времени. И Ржевский и Нарышкин сотрудничали в «Полезном увеселении» и других журналах Хераскова, публикуя там, в частности, стихотворные послания, обращенные друг к другу. (Ржевский опубликовал пять таких посланий А. В. Нарышкину, одно из которых являлось ответом на послание А. Нарышкина «К Алексею Ржевскому»⁴⁸.) Как указывал Н. И. Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях», написанные Алексеем Нарышкиным элегии, оды, притчи и эпиграммы «весьма много похвалялись» современниками «за чистоту слога, нежность и хорошее изображение»⁴⁹.

Видным литератором был и старший брат Алексея Нарышкина — С. В. Нарышкин. В числе его произведений — стихи на победы при Ларге и Кагуле, несколько стихотворных посланий Екатерине II, Г. Г. Орлову, его брату Федору, «как знающему прямо господина Гельвеция»⁵⁰, и т. д. По свидетельству Н. И. Новикова, помимо этих стихотворных эпистол, «делающих честь его имени», С. В. Нарышкин опубликовал также много «весьма похваляемых» элегий и других мелких стихотворений⁵¹. Известно также, что он участвовал в переводах из «Энциклопедии»: им переведены, в частности, статьи «Экономия» и «Право естественное»⁵².

Помимо участия в переводах из «Энциклопедии», братья Нарышкины еще задолго до приезда французского философа в Петербург проявляли также интерес к творчеству Дидро-драматурга. Так, С. В. Нарышкин был автором комедии «Истинное дружество», написанной «во вкусе Дидеровом»⁵³. Кроме того, как отмечал в свое время Г. П. Макогоненко, А. и С. Нарышкины «были причастны к распространению пьес Дидро в России»⁵⁴. В 1765 г. в Петербурге была издана в переводе приятеля А. В. Нарышкина Сергея Глебова пьеса Дидро «Чадолубивый отец». а в 1766 г. тот же Глебов перевел пьесу Дидро «Побочный сын», посвятив свой перевод «государю моему Алексею Васильевичу Нарышкину». «Государь мой! Следуя во всем мне возможном воле моих приятелей,—

⁴⁵ Русский биографический словарь, т. 11, с. 95—96.

⁴⁶ Дидро Д. Собр. соч., т. 9, с. 234.

⁴⁷ Русский биографический словарь, т. 11, с. 83—84.

⁴⁸ Поэты XVIII века. Л., 1972, т. 1, с. 231, 585.

⁴⁹ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, с. 148.

⁵⁰ Семеновников В. П. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1914, с. 69—71.

⁵¹ Новиков Н. И. Указ. соч., с. 147.

⁵² Русский биографический словарь, т. 11, с. 95—96.

⁵³ Там же, т. 11, с. 95—96.

⁵⁴ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. М.; Л., 1961, с. 126.

говорилось в этом посвящении, перевел я по желанию вашему комедию г. Дидерота, называемую „Побочный сын, или Опыт добродетели...“»⁵⁵

Причастность обоих братьев Нарышкиных к литературе, несомненно, сыграла большую роль в ознакомлении Дидро с культурной жизнью России. В своей статье «Дидро и русские писатели его времени» М. П. Алексеев отмечал, что изучение русских книг, вывезенных Дидро из Петербурга, «может быть, свидетельствует о специальном их подборе»⁵⁶. И действительно, в этой коллекции русских писателей, принадлежавшей французскому философу, имелись все важнейшие книги Ломоносова; широко были представлены в ней произведения Сумарокова, Майкова, Хераскова; имелся у Дидро и «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова. Таким образом, все говорит о том, что русская библиотека Дидро подбиралась для него людьми, хорошо знавшими современную им русскую литературу, и, скорее всего, самими братьями Нарышкиными.

В числе русских книг, вывезенных Дидро во Францию, были, однако, не только произведения художественной литературы. В опись этих книг, принадлежавших Дидро и ныне находящихся в Национальной библиотеке в Париже⁵⁷, входят также «Уложение» Алексея Михайловича, указы Петра Великого, Екатерины I, Анны Иоанновны, Екатерины II, манифест Екатерины о восстании Пугачева и т. д. Есть достаточные основания предполагать, что эти материалы были подобраны для Дидро А. В. Нарышкиным, который, по свидетельству «Русского биографического словаря», «имел юридические познания, редкие для того времени»⁵⁸. И наконец, нельзя не отметить, что в числе русских книг Дидро был ряд изданий военного ведомства («Устав воинской», «Штат о полевых армейских полках», «Описание мундирам» и т. д.), на которых стоят экслибрисы отца братьев Нарышкиных генерал-поручика В. В. Нарышкина. Эти книги, как и Собрание законов российского государства, Дидро, по-видимому, намерен был использовать для второго, исправленного и дополненного издания «Энциклопедии», которое он рассчитывал выпустить с помощью Екатерины II. Но, как известно, французскому философу, несмотря на неоднократные обещания Екатерины II и ее фактогума Бецкого, так и не удалось осуществить эти планы.

Дидро не только собирал русские книги, но и стремился ознакомиться с их содержанием, изучая для этого русский язык и пользуясь различными словарями и грамматическими справочниками. Как считал В. И. Чучмарев, Дидро при изучении им русского языка не обходился без помощи «приставленного для этой цели наставника» и при его содействии «сумел овладеть русским языком в границах, которые он считал обязательными для путешествующих в чужой стране»⁵⁹. Услугами такого наставника Дидро, несомненно, пользовался и при ознакомлении с произведениями наиболее выдающихся русских писателей. М. П. Алексеев, изучавший русские книги, принадлежавшие Дидро, указывал, что на входившей в эту библиотеку книге Хераскова «Нума, или процветающий Рим» на обороте шмуцтитула «не рукою Дидро, но кого-либо из Нарышкиных» заглавие повторено по-французски⁶⁰. Такие же надписи сохранились и на других книгах, а на экземпляре «Хорева» Сумарокова многие строки переведены на полях на французский. Тем самым подтверждается мнение М. П. Алексеева, что Дидро читал эту трагедию «с чьей-то помощью»⁶¹.

⁵⁵ Побочный сын, или Опыт добродетели: Комедия в пяти действиях г. Дидерота. В Санктпетербурге, 1766 года, с. I—III.

⁵⁶ XVIII век, сб. 3, с. 418.

⁵⁷ *Basanoff A.* La bibliothèque russe de Diderot. Association des bibliothécaires français.— Bulletin d'information, P., 1959, juin, N 29, p. 71.

⁵⁸ Русский биографический словарь, т. 11, с. 83—84.

⁵⁹ *Вопр. философии*, 1953, № 4, с. 198. См. также: *Proust J.* La grammaire russe de Diderot.— *Revue d'histoire littéraire de la France*, 1954, t. 54, p. 329—33.

⁶⁰ XVIII век, сб. 3, с. 428.

⁶¹ Там же.

Тот факт, что Дидро жил в доме А. В. и С. В. Нарышкиных⁶², позволяет утверждать, что помощниками его были прежде всего сами братья Нарышкины; можно также предположить, что они привлекли для этого и кого-то третьего, например учителя дочери С. В. Нарышкина.

Повседневное общение с братьями Нарышкиными, несомненно, содействовало укреплению связей французского философа с наиболее просвещенной и передовой частью русского общества. Большой интерес представляет сообщение П. А. Вяземского об обеде у Г. Г. Орлова, где Дидро встретился с русскими писателями⁶³. Близость А. В. Нарышкина к Орлову, а также широкие связи братьев Нарышкиных с литераторами позволяют предположить, что такая встреча была вполне вероятна. Вполне вероятно и то, что Дидро, живя в доме братьев Нарышкиных, сумел в короткое время составить определенное мнение о ряде русских писателей. Об интересе, проявленном французским философом к творчеству В. И. Майкова, писали впоследствии Карамзин, Вяземский и Глинка⁶⁴; в одной из памятных записок, написанных для Екатерины II, Дидро упоминает «посредственного Сумарокова»⁶⁵, а о Фонвизине пишет: «Мне сказали, что он хорошо знает нацию, ее нравы и обладает живостью и веселостью»⁶⁶. Как известно, «Бригадир» тогда еще не был издан, и с ним были знакомы лишь сравнительно немногие лица, слышавшие в 1769 г. чтение этой пьесы ее автором или издавшие ее на придворной сцене. По свидетельству самого Д. И. Фонвизина, одним из первых слушателей «Бригадира» был Г. Г. Орлов⁶⁷, следовательно, есть основания предполагать, что тогдашний его генеральс-адъютант А. В. Нарышкин также хорошо знал пьесу и ее автора и мог сообщить Дидро свое мнение о Фонвизине.

Благодаря своим гостеприимным хозяевам Дидро познакомился в Петербурге и с другими выдающимися представителями русской культуры. Так, при посредничестве братьев Нарышкиных состоялось его личное знакомство с замечательным русским художником Д. Г. Левицким, написавшим портрет французского философа⁶⁸. К сожалению, в существующей литературе сохраняется путаница в освещении и этого важного эпизода петербургской жизни Дидро. В упомянутой уже монографии Н. М. Гершензон-Чегодаевой сообщается, например, что Дидро, помимо собственного портрета, написанного Левицким, увез в Париж и другую, женский портрет кисти Левицкого, на подрамнике которого сохранилась надпись «madame de Narichkin»⁶⁹. Считая вслед за Бильбасовым, что Дидро жил в Петербурге у обер-егермейстера С. К. Нарышкина, Н. М. Гершензон-Чегодаева сделала вывод, что на портрете этом изображена жена названного вельможи Мария Павловна Нарышкина, рожденная Балк-Полевая⁷⁰. Однако, поскольку Дидро жил не у С. К. Нарышкина, а у

⁶² Как видно из «Русского биографического словаря» (т. 11, с. 85), у А. В. и С. В. Нарышкиных был и третий, средний брат — Василий Васильевич, но Дидро ни разу не упоминает его в своих письмах; отсутствуют и какие-либо другие данные, которые бы свидетельствовали о том, что В. В. Нарышкин жил в одном доме со своими братьями. Нет поэтому никаких оснований утверждать, как это делал В. И. Чучмарев, что Дидро жил в доме «трех братьев Нарышкиных» и что изучать русский язык ему помогали все три брата.

⁶³ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 90. Карамзин сообщал, что обед этот состоялся «во дворце». См.: *Карамзин Н. М.* Избр. соч., т. 2, с. 172.

⁶⁴ *Карамзин Н. М.* Избр. соч., т. 2, с. 172; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 90; *Глинка С. Н.* Указ. соч., с. 158.

⁶⁵ *Дидро Д.* Собр. соч., т. 10, с. 135.

⁶⁶ Там же, с. 98.

⁶⁷ *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., т. 2, с. 96.

⁶⁸ Этот портрет находится ныне в Женевском музее.

⁶⁹ *Гершензон-Чегодаева Н. М.* Указ. соч., с. 359 и 387. Портрет этот находится в настоящее время в Лувре.

⁷⁰ Там же, с. 194—195. Той же версии придерживался и француз Дени Рош, также опиравшийся на сведения, почерпнутые из книги Бильбасова (см.: *Roche D. Levitski, P.*, 1904), а также неопубликованную статью того же автора «Левицкий в Лувре» (ЦГА, ф. 788, оп. 1, д. 201), написанную им около 1916 г., т. е. за 12 лет до того, как стало известно письмо Дидро, опровергающее версию Бильбасова и уточ-

братьев А. В. и С. В. Нарышкиных, есть основания утверждать, что на находящемся ныне в Лувре портрете с надписью: «madame de Narichkin» изображена жена С. В. Нарышкина — Мария Ивaновна Нарышкина (1738—1807), которая и подарила это изображение французскому философу, жившему у нее в доме. По-видимому, именно братья Нарышкины, и в частности С. В. Нарышкин (Левицкий уже писал портрет его жены), могли попросить художника написать портрет французского гостя. Об этом косвенно свидетельствует и Н. М. Гершензон-Чегодаева, отмечая, что «Левицкий создал портрет Дидро не по заказу императрицы»⁷¹.

Беседы с А. Нарышкиным по пути из Гааги в Россию, а затем с ним и его братом в Петербурге, без сомнения, помогли Дидро познакомиться не только с культурной жизнью страны, где он находился, но и с русской действительностью в целом. Об этом опять-таки свидетельствует и сам Дидро. В «предпоследнем листке» «Философских, исторических и других записок различного содержания», написанных им в Петербурге для Екатерины, он сообщает ей, что содержащиеся в них наблюдения «явились плодом бесед двух честных путешественников: вашего камергера г. Нарышкина и меня»⁷², а в другом месте специально отмечает осведомленность своего спутника. Указывая, что он знал нескольких русских людей, которые были плохо знакомы с существующими в России учреждениями и «не дали себе труда» изучить свою страну, Дидро добавлял: «Я исключаю из этого числа только моего дорожного спутника г-на Нарышкина, хотя он возвращался в свое отечество после четырехлетнего отсутствия»⁷³.

Исключительно важно указание Дидро на то, что составленный им для Екатерины II «Исторический очерк о представительных учреждениях» был написан им «по настоянию г-на Нарышкина», полагавшего, «что этот рассказ, заинтересовавший его самого, может понравиться и его государыне»⁷⁴. Нетрудно заметить, что главная цель Дидро, составившего этот очерк, заключалась в том, чтобы убедить Екатерину II в необходимости превратить известную комиссию для составления проекта нового уложения в постоянное представительное учреждение, своего рода улучшенный вариант английского парламента. Какие-то первоначальные сведения об этой комиссии Дидро мог получить от упомянутого выше князя Д. А. Голицына, с которым часто встречался в Париже и особенно в Гааге; однако только А. В. Нарышкин, который сам был депутатом комиссии для составления проекта нового уложения, мог первым подробно ознакомить Дидро с ее структурой и деятельностью. Все говорит о том, что и совет Екатерине II о превращении комиссии в постоянное законодательное учреждение также был результатом бесед философа с его спутником по поездке в Россию; не случайно Дидро формулирует это предложение в упомянутом очерке, который, как он пишет, был им составлен «по настоянию г-на Нарышкина». «Если вы намерены,— писал Дидро Екатерине II,— дать долгую жизнь Вашим законам и воздвигнуть непреодолимую преграду против деспотизма... Вы превратите созвапную комиссию в постоянное учреждение и предоставите провинциям право продлевать или отменять полномочия их представителей, отняв вместе с тем у своих преемников возможность обходить комиссию или упразднить ее»⁷⁵.

Однако Екатерина II пренебрегла этим советом Дидро: она еще задолго до приезда французского философа в Петербург сама упразднила комиссию для составления проекта нового уложения, а ее «Наказ» этой комиссии, в котором она, по ее собственному признанию, «обобрала»

няющее обстоятельства, при которых философ поселился в доме А. и С. Нарышкиных.

⁷¹ Гершензон-Чегодаева Н. М. Указ. соч., с. 176.

⁷² Дидро Д. Собр. соч., т. 10, с. 260.

⁷³ Там же, с. 104—105.

⁷⁴ Там же, с. 82.

⁷⁵ Там же, с. 60—61.

француза Монтескье (и, добавим, итальянца Беккариа и других известных законоведов), давно считался запрещенной литературой. 24 сентября 1767 г. сенат издал специальный указ о строгом хранении русского текста «Наказа» единственно для сведения высоких должностных лиц; как замечал А. Н. Пыпин, это было сделано потому, что «бросалось в глаза противоречие заявленных в нем правительственных и нравственных идеалов с наличной действительностью»⁷⁶.

Замечания Дидро на этот «Наказ», написанные им после отъезда из Петербурга, вызвали крайнее недовольство Екатерины II, уверявшей М. Гримма, что Дидро не обнаружил «ни знания обстоятельств, ни благоразумия, ни предусмотрительности»⁷⁷. Гнев Екатерины II объяснялся тем, что Дидро, несмотря на ее настойчивые попытки представить в розовом свете положение в ее империи, проявил великолепное «знание обстоятельств» ее правления. Заданные им Екатерине II еще в Петербурге письменные вопросы, касавшиеся многих острых проблем русской жизни, в том числе положения крепостных крестьян, уже сами по себе свидетельствовали о том, что французский философ к тому времени неплохо ориентировался в русском законодательстве⁷⁸ и хорошо видел отрицательные последствия екатерининской внутренней политики. Как известно, Екатерина II не ответила на большинство из этих вопросов, а на остальные давала, как правило, уклончивые, искажающие истину ответы, не останавливаясь, как и в письмах к Вольтеру, перед вымыслами, не имевшими ничего общего с действительностью. Но Екатерина II не учла, что Дидро в отличие от Вольтера имел возможность проверить ее «информацию» на месте. Судя по всему, он довольно широко использовал эту возможность: Екатерине II так и не удалось ввести его в заблуждение.

В своих замечаниях на «Наказ» Екатерины II французский философ резко критикует всю ее внутреннюю политику. Конечно, Екатерина II должна была с раздражением воспринять суждение Дидро о том, что ее «Наказ» является «собранием заимствованных отрывков», в котором он не видит «ни одного постановления, которое было бы направлено на освобождение массы народа», но зато видит там «деспота, отрекшегося на словах», хотя «деспотизм по существу остался». Еще больший гнев Екатерины II должны были вызвать замечания Дидро о том, что «русская императрица, несомненно, является деспотом» и что «есть превосходное средство для предупреждения восстаний крепостных против господ: сделать так, чтобы вовсе не было крепостных» (намек на пугачевское восстание, вспыхнувшее во время пребывания Дидро в России и до смерти напугавшее русский правящий класс). Но, помимо этих замечаний, касающихся общего характера правления Екатерины II, Дидро обнаружил также знакомство и с конкретными фактами российской действительности. Он пишет о вымогательстве чиновников, о безнравственности правителей, дающих пожизненные ренты избранным (намек на екатерининских фаворитов), в результате чего санкционируется «тот отвратительный вид роскоши, который служит показателем богатства немногих и нищеты масс», отмечает, что петербургские стекольные и фарфоровые заводы плохо управляются и «в силу протекции вверены плутам и лицам невежественным». Ряд его замечаний, в том числе и в памятных записках, переданных Екатерине II еще в С.-Петербурге, касается воспитательных учреждений. Так, говоря о кадетском корпусе, куратором которого был один из ближайших сподвижников Екатерины II, И. И. Бецкий, Дидро писал, что некоторые из воспитывавшихся там юнцов «успели уже по-

⁷⁶ Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901, Предисл., с. VII—VIII. «...Перечитывая сей лицемерный „Наказ“, — писал Пушкин, — нельзя воздержаться от праведного негодования». См.: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1962, т. 7, с. 195.

⁷⁷ Дидро Д. Собр. соч., т. 10, с. 36.

⁷⁸ Привлекают, например, внимание его ссылки на различные указы 1749, 1762, 1764 и 1766 г. — Там же, с. 389, 394, 398. Есть основания предполагать, что познакомиться с русским законодательством ему помог А. В. Нарышкин, который, как уже было сказано, имел юридические познания, редкие для того времени.

знакомиться с развратом», а о воспитательном доме, находившемся в ведении того же Бецкого, говорил, что при выпуске оттуда детей им дают всего один рубль, хотя бывает, что они не могут устроиться на работу в течение длительного времени. «Что же им делать? Просить милостыню?» — спрашивал Дидро. Отметил он и безвыходное положение бедняков, нуждающихся во врачебной помощи, в том числе солдат, которым Екатерина II была обязана блистательными победами над турками и шведами. «В России,— писал Дидро,— военные госпитали находятся в ужасающем состоянии. Солдаты лишены там почти всякой помощи и умирают на голых досках. Насколько мне известно, там вовсе нет домов для инвалидов. Нет общественных госпиталей. Бедняки умирают, за отсутствием врачебных средств и необходимой пищи, на своей лавке, в лачуге, укутавшись в рваный тулуп»⁷⁹.

Возникает естественный вопрос: откуда французский философ мог получить такую объективную информацию о положении на русских заводах, в госпиталях и воспитательных учреждениях? Разумеется, не от Екатерины II, Бецкого и других ее приближенных. Есть указания на то, что Дидро, хорошо знавший многие парижские мануфактуры и мастерские парижских ремесленников, посетил и некоторые петербургские заводы. Кое-что ему могли сообщить французы, с которыми он встречался в Петербурге: преподаватель кадетского корпуса Левек, профессор Академии художеств Леклерк и другие (известный французский исследователь Жорж Дюлак подчеркивал, в частности, осведомленность Леклерка, который говорил по-русски и бывал в различных районах России)⁸⁰. В предназначенной для Екатерины II памятной записке «Размышления о колониях, основанных в Саратове», которая не была известна ни М. Турне, ни составителям 10-го тома советского Собрания сочинений Дидро, сам Дидро ссылался на то, что слышал рассказ об этих колониях от «одного француза»⁸¹.

Как уже говорилось выше, многое, однако, свидетельствует о том, что главным источником сведений Дидро о России были его русские знакомые, и прежде всего А. В. Нарышкин. К такому выводу пришел в 1963 г. и видный французский ученый Поль Верньер в комментариях к сборнику политических произведений Дидро. Как отмечал П. Верньер, «Дидро перед каждой встречей с Екатериной II заранее набрасывал несколько страничек на темы, выбранные им самим или предложенные Нарышкиным». Указывая на трудности, с которыми сталкивался французский философ при получении нужной ему информации о России («Бецкий — это „сфинкс“, а граф Миних не отвечает на вопросы Дидро»), Поль Верньер добавлял, что только Нарышкин «помогает Дидро и поощряет его»⁸². Почти в таких же выражениях говорится о роли А. В. Нарышкина как помощника Дидро и его советчика по вопросам, касавшимся России, и в комментариях к памятным запискам Дидро Екатерине II, впервые изданным П. Верньером в 1966 г. по подлинной рукописи Дидро, найденной С. Кузьминым и хранящейся в ЦГИА. Перечисляя русских и иностранцев, с которыми Дидро общался в Петербурге, П. Верньер ставит А. В. Нарышкина на первое место среди информаторов Дидро о «русской империи»⁸³.

Итак, тот факт, что спутником французского философа по путешест-

⁷⁹ Дидро Д. Собр. соч., т. 1, с. 510, 511, 419, 467, 478, 488, 477, 227, 199, 485.

⁸⁰ Revue d'histoire littéraire de la France. 1968, p. 661.

⁸¹ Кузьмин С. Указ. соч., с. 944. Эта памятная записка Екатерине II была впервые полностью опубликована в 1966 г. Полем Верньером.

⁸² Diderot D. Oeuvres politiques/Ed. P. Vernière. P., 1963, p. 214—215.

⁸³ Diderot D. Mémoires pour Catherine II/Texte établi d'après l'autographe de Moscou, avec introduction, bibliographie et notes par Paul Vernière. P., 1966, p. VIII, XIII—XIV. П. Верньер, правда, оговаривается, что А. В. Нарышкин, по его мнению, «слишком озападился за четыре года своих путешествий по Европе», однако это утверждение ни в какой степени не ставит под вопрос осведомленность Нарышкина о положении в России; как уже было сказано выше, эту осведомленность своего спутника специально отмечал сам Дидро.

